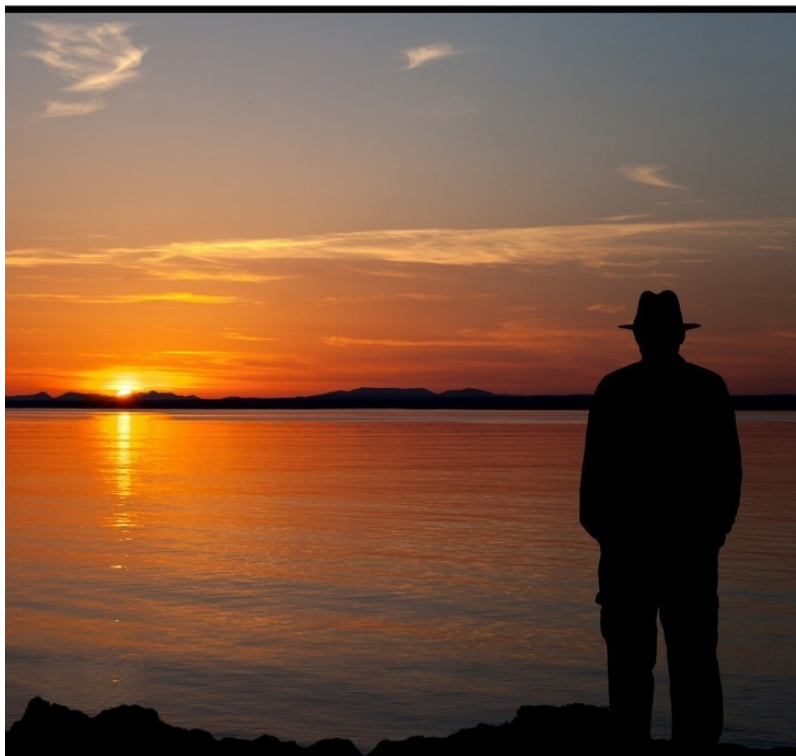

МИХАИЛ ГАРЦЕВ

Забутые стихи

Михаил Гарцев

Забывтые стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21234393

ISBN 9785448321382

Аннотация

Стихи, не вошедшие в мои последние сборники. Не вошедшие по тем или иным причинам, но это не значит, что отринутые мной навсегда. Возможно, что они самые искренние и любимые.

Содержание

«Безукоризненный рисунок...»	6
«Это кто трогал яблоко...»	7
«Эту зелень вдыхаю...»	9
«Игрок играет хладнокровно...»	11
«Наш микроавтобус нам впору...»	17
«Насилуют свободу «наци...»	19
«Кровь отчаянным толчком...»	21
«Резцом ли, кистью создавая...»	23
«Великое в сладкой тиши зарождается...»	25
«Стихи прославленных поэтов...»	27
«Нет, не всегда ум сильный, яркий...»	29
«Ты, слово, – цель моя, мое – начало...»	30
«Слушайте!»	32
«Остановился человек...»	33
Мать	34
«Как знаком нам порою взгляд женщин...»	36
«Холеные стройные стрелы...»	38
«Я пишу этот стих...»	39
«Несу тебе влюбленный...»	41
«То, что стучит в моей груди...»	43
«Я к мысли себя приучаю...»	44
«Метанья, страх, в безумном мире...»	45
«И министрам и бандитам...»	46

Сомнения	49
За нас мой тост, за графоманов	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Забывтые стихи

Михаил Гарцев

© Михаил Гарцев, 2016

ISBN 978-5-4483-2138-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Безукоризненный рисунок...»

Безукоризненный рисунок.
Природы вещие черты:
реки зеркальная полоска,
и лебедь дивной красоты
плывет величественно, просто.

Прозрачны воды и чисты.
В них лишнего не видно лоска,
и черный силуэт неброский
в пике с предельной высоты.

Вот он над лебедем завис
и камнем устремился вниз.
Природы слышен гневный ропот.

Печальный белых крыльев всплеск...
И стон, и крови алый блеск,
и лебедя предсмертный клекот.

«Это кто трогал яблоко...»

Это кто трогал яблоко,
кто его надкусил ненароком,
кто прижался к нему
опаленным, трепещущим ртом,
причастился Познанием
добродетелей наших, пороков
и с таким одинаковым,
и с таким откровенным концом.
Так зачем суетиться,
комбинаций рождая узоры,
если все нам известно
от истоков до самых глубин,
и студенистой массою
забиваются к вечеру поры
от нечаянного натиска
пробегающих мимо лосин.
Так зачем нам загадывать,
продираясь сквозь дебри истмата,
то, чему предназначено,
несомненно, придет свой черед,
но застыла в веках
одинокая маска Пилата,
проводящая идущего
по дороге, ведущей вперед.

О, идущий вперед,
он взойдет на помост без упрека,
где с такими, как он,
производится скорый расчет.
Это горстка людей —
не богов, не жрецов, не пророков —
это гордое племя,
шаг за шагом идущих вперед.
Им обрыдла мораль —
вековая мораль поколенья.
Они делают шаг,
зависая над пропастью дней,
и воздушные массы
их закружат на встречном движенье,
увлекая в зенит
для распятья на крыльях идей.
И когда, наконец,
это гордое племя иссякнет
и когда человечество
призовут на Вселенский Совет,
в торжествующем космосе
человеческий свет не погаснет.
Жизнью наших Икаров
и их смертью оплачен ответ.

«Эту зелень вдыхаю...»

Эту зелень вдыхаю,
эту воду и небо...
Это счастье так ровно
безмятежно дышать...
...Это запах домашнего теплого хлеба,
что, вздыхая, в дорогу
соберет тебе мать.
Все когда-то уйдет,
растворится в тумане.
В это трудно поверить,
но все это так.
Мы еще ускоряем...
Сердце бьется на грани,
между жизнью и смертью
только маленький шаг.
Мы еще ускоряем!
И борцами, наверно,
наши дети не нас,
а других назовут,
но места, где нас жизнь
испытала на верность,
канут в вечность
не как
самый хлипкий редут.

Мы еще ускоряем!
Да простят меня небо,
море,
зелень и солнце,
те, что после меня,
те места, где я был,
те места, где я не был,
те, кого я любил,
их ни в чем не виня.

Мы еще ускоряем...

«Игрок играет хладнокровно...»

Игрок играет хладнокровно.
Он твердо знает цену ходу.
Спокойно, жадно и подробно
он изучил вещей природу.
Его влечет порыв наживы,
в угаре весь обогащенья,
одною страстью одержимый,
он чужд крупицам сожаленья.
И взгляд бросая на партнера,
собой напоминая волка,
не внемля голосу укора,
встречает взгляд иного толка.
Чем одержим игрок соседний,
что он нашел в игре жестокой?
Ни в первый раз и ни в последний,
зачем отдался воле рока.
В его глазах не блеск наживы.
Их лихорадит ослепленье,
но все черты его подвижны
одной мечтой – проникновеньем.
В ходах загадочных и тайных
он видит перст судьбы всесильной.
Так хоровод побед случайных
сменяет проигрыш обильный.

Со слабой, твердою рукою
он вновь в перипетиях оных.
И спорит со своей судьбою,
и познает ее законы.
И за уроном вновь урон.
В душе, карманах, дома пусто...

Но не игрою одержим он,
он одержим святым искусством.

* * *

1

Как хорош самолет,
как стрелой он пронзает пространство
(пусть там кто-то блюет,
у кого-то заложены уши),
а нас поезд везет,
а мы в нем – с неизменным упрямством.
Нам по нраву полет,
но хотим продвигаться по суше.

2

Пусть войдет ревизор
(в самолете таких не бывает),

на язык он остер:

– Проводник, где на зайцев билеты? —

И бесчестья позор

нас с тобой, проводник, ожидает,

но не пойман не вор,

мы не лезем в карман за ответом.

3

Эх, колеса судьбы, —

то не крылья шального успеха,

да по рельсам страны,

где на стыках отчаянная тряска.

И оскал сатаны

на кровавом полотнище века,

шпалы, словно гробы,

растянулись по насыпи вязкой.

4

Ты кричишь, контролер,

что мы сели в твой поезд нечестно.

Проявляешь напор,

тычешь пальцем на ленту перрона

(так стреляли в упор,

объявляя врагом повсеместно),

а кто дал, прокурор,

тебе право нас гнать из вагона.

5

Вот, смотри, ревизор,
вот билеты – проезд наш оплачен.
Ты умерь свой напор,
ты скажи, в чем прокол, откровенно.
Но ты смотришь в упор
и ответ твой для нас однозначен.
Есть в билетах прокол
(по известному пункту, наверно).

6

Посмотри-ка на шпалы,
ревизор, на них кровь моих предков.
На откосах завалы
жертв болезней, войны и репрессий.
На осколках металла
наковальни судьбы есть отметки,
то глазные провалы
черепов, разможенных на рельсе.

7

Что же ты вдруг притих,
притомился, других порицая,
а награды отца
из не смолкнувшей скорби отлиты:
мать с сестренкой сквозь крик

его крови ведут полицаи,
а два деда моих
в Сталинградскую землю зарыты.

8

Кто твой друг и кумир,
и каким ты богам присягаешь?
Ненасытный вампир,
к нацидее зовущие святцы.
Обескровили мир,
на кострах иноверцев сжигая,
штурмовые отряды
всех народов, времен и всех наций.

9

Был на Севере Крайнем,
шел сквозь град на ветрище осеннем.
Утром ранним,
случилось,
на могилу друзей землю резал,
а на стыках железных
горевал я и трялся со всеми,
и в сверкающий лайнер
я за жирным куском не полезу.

10

Я стою пред тобой,
я от мысли любой отдыхаю.
Ты мой видишь настрой,
ты понять его должен по виду.
Так что вновь лагерь строй
и зови-ка своих вертухаев.
Я из этого поезда
сам добровольно не выйду.

«Наш микроавтобус нам впору...»

Наш микроавтобус нам впору.
В нем весело, шумно, не тесно.
Я лезу в кабину к шоферу,
сажусь на опасное место.

И это не лихость толкает —
отчаянья липкий раствор —
так сердце скорей постигает
летающий навстречу простор.

Автобус наш мчится в тумане.
В глаза бьет огонь встречных фар.
Мы ближе к незыблемой грани,
мы первые встретим удар.

Зеваки глядят оробело.
Посмеет ли кто упрекнуть?
Не выносом брэнного тела
окончится жизненный путь.

Пусть мир разорвет меня в клочья,
раздавит, в росу превратит.
Я небо увижу воочью,
притянутый солнцем в зенит.

Но жизни мне райской не надо.
Помясь в небесном аду,
я снегом, дождем или градом
на землю опять упаду.

«Насилуют свободу «наци...»

Насилуют свободу «наци»,
и восстает народ всех наций.
Спешит в Испанию отряд.
Не по чьему-либо приказу,
о том не пожалев ни разу,
ты добровольно стал солдат.
И твой товарищ с эспаньолкой
на языке приветствий звонком
при встрече отчеканит фразу,
подняв кулак: «Салют, камрад».

Когда фашистская секира
обрушилась на страны мира,
твой взгляд был яростен и чист,
немецкий парень ТЕМ тридцатых —
в те дни ваш фюрер бесноватый
был многословен и речист —
ты отклонил свою присягу
и честь отдал другому флагу.
Под гул всемирного набата
шел в звании: «антифашист».

А где твоя судьба, «афганец?»
В своей стране не иностранец,

но ты не бог и не атлант...
Пусть говорят, что всё в порядке, —
ты вспоминаешь ночь в палатке,
разрывы брошенных гранат,
и твой товарищ в пламе адском,
потом на костылях и в штатском...
...когда под левую лопатку
ножом бьёт слово: «ОККУПАНТ».

«Кровь отчаянным толчком...»

Кровь отчаянным толчком
пробилась сквозь спазмы аорты,
справа рушится дом,
слева рушится верный оплот.
Воздух впился шипом,
сквозь бездушные поры протертый,
и гримасой удушья
искривляется в судорогах рот.
Растеклось гнева семя,
подмывая былые устои,
и кладем на хранение
мы бесценную веру в сундук,
то, чего нет ценнее,
как и должно, полушки не стоит.
Равнодушное время
замыкает сферический круг.
Так давай, что ль, старьевщик,
уноси-ка былые наряды,
старой моды смещение,
вон, слетелось на пир воронье,
и на площади древней,
чью брусчатку крошили парады,
раздается в смятение
в адрес бывших кумиров: «Вранье!»

Если вера угаснет,
если в мыслях сплошная химера,
то и стынувший труп
не украсит терновый венок,
в этих хладных останках
есть служения, веры примеры,
хотя черные рамки
подбивают кровавый итог.
О святой гнев народа —
это самый стремительный спринтер.
Чья сильнее порода,
тот использует этот накал;
интер-на-ционал
воспарит,
иль страшнее – без «интер».
Разрывает природу,
напитавшийся кровью запал.
Чем гасить этот всплеск
новоявленных жуть-модельеров?
Каждый выберет веру,
пред которой в долгу только он,
а страну пусть правит —
и в истории много примеров —
не подкупленный верой,
не запуганный верой ЗАКОН.

«Резцом ли, кистью создавая...»

Резцом ли, кистью создавая
творения в немом пространстве,
себя в твореньях воплощает
художник в твердом постоянстве.
Прекрасно жизни постиженье,
телесный обретая облик —
живой огонь воображенья,
движенья чувств дрожащий отблеск.
Гимн красоте – она священна.
Здесь нет уродств из жизни брэнной,
здесь вошь в пропорциях надменна,
обрамлена ажурной пеной.
Здесь царственный язык искусства
зовет в страну волшебств чудесных —
застывший светлый отсвет чувства
в полете грации небесной.
А как же наш художник милый,
себя в твореньях воплотивший?
Из жизни вырвав миг единый,
нас красотой одаривший!
Нет, не ищите вы сравнений.
Он в той стране не гордый житель.
И всех своих произведений
он только ревностный служитель.

В нем нет величья эталона.
Такой, как мы, – простой, беспечный.
Влечет туманность Ориона,
но в ней он самый человечный.
Ему не льстят небес пороги.
Людей гораздо ближе муки,
ведь красоту творят не боги,
а человеческие руки.

«Великое в сладкой тиши зарождается...»

Великое в сладкой тиши зарождается,
И сразу в глаза никому не бросается.
Здесь чувства остры и душа обнажается,
пыльцою ума о-пло-до-тво-ряется
душа, зарождая великое.

Вначале, как все незаметно-безликое.
Но в воздухе мягкое грусти свечение.

Дрожанье,
брожение,

о, чудо рождения!

И вот уже плод от души отделяется,
и сладостной музыкой мир наполняется.
Потом будут залы, и сцены, и выставки,
и целые кипы восторженной критики.

А может, – хулы поток излияний,
и только потом наступит признание.

Но все лишь потом,
а вначале – молчание,

работа,
исканья

в ночи ожидания.

Не в громе оваций рождается великое,
а где-то в тиши незаметно-безликое.

«Стихи прославленных поэтов...»

Стихи прославленных поэтов,
читая вас в свой праздный час,
я массу находил советов,
блестящих, ярких, сильных фраз.
Стихи звенели, как оружие,
сметая всяческую муть,
срывая внешнее, наружное,
вещей нам обнажали суть.
В них всё – природы совершенство,
любви священной благодать.
В неистовстве, огне, блаженстве,
они сумели все объять.
И все же грустно и тревожно
звучит мотив в стихах подчас,
мол, передать все невозможно,
природа совершенней нас.
Рук трепетных полет в тумане
и с хлебным запахом зерно,
все это так нас в сердце ранит,
стихам так ранить не дано.
А мне не нужно совершенство.
Я приношу ему дары,
и чту его в немом блаженстве,
но мне милей мои миры.

Пускай они несовершенны,
Пускай в них мало глубины.

Они мои.

Они священны.

Они мне одному верны.

В щемящем сладостном забвенье

поэт творит нам чудеса,

в слова вселяя вдохновенье,

он создает вновь небеса,

поля, леса, пустыню, воду...

И вот слова уж не слова,

Великой матушки-Природы

они живые острова.

А я хочу варить другое.

Металл струится, раскален.

Пусть он пронзает все живое,

пусть сам я буду им пронзен.

Смерч слов моих,

над плотью брэнной,

меня сумеет распылить,

и я, такой несовершенный,

в своих мирах останусь жить.

«Нет, не всегда ум сильный, яркий...»

Нет, не всегда ум сильный, яркий
дается тем сынам народа,
кто в битвах яростных и жарких
воюет с тайнами природы.

Дается и любимцам духа,
владеет им художник пылкий.
В огне мазка, в полете звука,
воинственной окутан дымкой.

Я чту слог яркий, динамичный!
Слог, кованный из красок, света,
но мне и ближе, и привычней
слог, растворяющий поэта.

«Ты, слово, – цель моя, мое – начало...»

Ты, слово, – цель моя, мое – начало.
Смыкаешь ты в кольце поток жемчужных вод.
И от печального, но верного причала,
подняв свой страстный флаг, я направляю ход
ладьи, в которой нет другого экипажа,
кроме меня, где я матрос и капитан.
И за успех столь скромного вояжа
я сам себе налью и осушу стакан.
Резвятся образы под строгою кормою,
волной игривою подброшенные вверх.
Могу нагнуться, прикоснуться к ним рукою,
услышать детский беззаботный смех.
Я их пленю хрустальной тонкой сетью,
пусть в ней томятся, а придет черед
я перелю их в золотую песню,
увиду слов и музыки полет.
Я не ищу конечной четкой цели.
То тут, то там сверкнет огнем кристалл.
Минуя рифы и минуя мели,
я вновь увижу грустный свой причал.
И вновь уйду, влекомый звезд сияньем,
и затеряюсь навсегда в потоке лет,
но слов сомкнувшихся проступят очертанья —

мой маленький, но четкий в жизни след.

«Слушайте!»

Слушайте!

И в сердце ярость...

Слушайте!

И в сердце боль...

Может, это, просто, слабость
точит, словно тряпки моль.

Может, это, просто, воли
не хватает прекратить
жизнь на поводу у боли,
и от этой боли выть.

И от этой боли жгучей,
издавая резкий крик,
в небо взмыть орлом могучим,
зглушив мышинный писк.

«Остановился человек...»

Остановился человек.
Всмотрелся в даль тяжелым взглядом.
Куда направить жизни бег:
судьба далёко или рядом?

Легко давать ему совет
тому, кто жизнью не обижен,
насобирав медовый цвет,
любовью к ближнему стал движим.

Легко давать совет тому,
кто в жизни отхватил красоту,
ну а позор ее и низость
дают лишь пищу их уму.

А я судить его не рад,
что мне сказать ему по сути,
когда мгновение назад,
как он, стоял я на распутье?

Мать

Значенье слова друг – известно.

Оно – не трафаретный штамп,

и потому так полновесно

оно ложится в четкий ямб.

И потому весомо, гулко

оно врывается в наш быт,

ведь не одной ржаною булкой

земли владыка гордый сыт.

Но друг не только увлеченность,

его познать – пуд соли съесть,

не каждый скажет убежденно,

что у него такой друг есть.

И носит нас по белу свету:

то тот наш друг, то этот – друг,

а настоящего-то нету...

Колес веселый перестук.

Но я уверен.

Да уверен!

И мне ли этого не знать.

У нас на свете есть друг верный,

а имя – очень просто – Мать.

Порой ее не замечаем,

порой обидим ни с чего,

а жизнь ударит, прибегаем

уткнуться в мамино плечо.
Она от всех невзгод укроет,
ей жизнь для нас не жаль отдать,
а нам-то что?

Ну, что ей стоит,
ведь для того она и мать.

Вот боль прошла,
и мы срываясь,
несемся вновь
вперед! Вперед!

Она тихонечко вздыхая,
в сторонку молча отойдет.
Когда же горькая утрата
смертельным обожжет огнем
свинца страшнее автомата,
мы даже сразу не пойдем.
Одни стоим в пустой квартире.
Нам сердце судрогой свело,
на стенах тоненьким пунктиром
осталось мамино тепло.

И вот сейчас, когда ты рядом
и счастья не разомкнут круг,
сверкай лучистым теплым взглядом
мой самый верный в жизни ДРУГ.

«Как знаком нам порою взгляд женщин...»

Как знаком нам порою взгляд женщин,
нежный трепет их жаркой руки,
и одной, видно, метой отмечен
каждый вздох неподдельной тоски.

Как знакомо огонь материнства,
женских глаз рассыпает свой свет,
и страстей злой огонь сатанинский
в нем теряет свой яростный след.

А знакомое женщин коварство?
У него не найдете границ.
Притаился бесенок лукавства
под навесом из длинных ресниц.

Но всех взглядов знакомых дороже,
когда гаснет устало свеча,
и никто, и ничто не поможет,
и над другом топор палача.

И тогда в их глазах столько муки,
но с улыбкою, встав в полный рост,
простирая к любимому руки,

они гордо взойдут на помост.

«Холеные стройные стрелы...»

Холеные стройные стрелы
впиваются в тело мое...
...Поставьте скорее пределы,
чтоб не проросло бытие
там, где облаков хороводы,
где злата ценнее гроши,
где речь многоликой природы
сливается с песней души.
А впрочем, к чертям все пределы,
к чертям вековую между!
Холеные стройные стрелы
впивайтесь, пока я живу.
И в недрах пусть зреют напасти,
и звезды танцуют канкан,
и весь, содрогаясь от страсти,
пусть лаву извергнет вулкан.
Пусть только, разрушив пределы,
в покое награду найдя,
услышит горячее тело
дыханье и шепот дождя.

«Я пишу этот стих...»

Я пишу этот стих
в черный день непризнанья,
я пишу этот стих
на пороге отчаянья.
Может быть, я пробьюсь —
верить хочется в это —
и к нему я вернусь
настоящим поэтом.
И спрошу я себя:
для чего это надо —
свою волю крепя,
жить под ливнем и градом?
Жил как все бы живут —
без забот и печали...
Все равно не поймут
те, кому помогали.
Как поверив в себя
шел на битву с богами,
как разверзлась земля
у меня под ногами.
И минуя обрыв,
шел вперед без участия,
но ведь этот порыв
и зовут люди счастьем.

А сейчас уйду,
и под злой визг площадный,
вновь сажусь и пишу
этот стих беспощадный.

«Несу тебе влюбленный...»

Несу тебе влюбленный
свои стихи на суд,
любовью опаленные,
ночей бессонных труд.
На встречу, как на исповедь,
несу свои стихи.
В них все мои сомнения
и все мои грехи.
И все мои мучения,
и роковой вопрос:
зачем для очищения
ТЕБЕ стихи принес?
Ведь мы с тобою разные,
различные порой,
и встреча необычная
в гостинице морской.
И ты такая строгая,
холодная подчас.
Тебя совсем не трогает
свеченье моих глаз,
когда в них отражается
присутствие твое.
Сама доброжелательность,
но это все вранье.

Я знаю – ты недобрая,
ты можешь жесткой быть,
но женственность природную
тебе не победить.

Я это знаю, чувствую,
и вызов брошен мной.

Я благодарен случаю,
что встретился с тобой.

Различье – что присутствует
в любой из наших встреч,
звучит как в бой напутствие.

Я вынимаю меч.

«То, что стучит в моей груди...»

То, что стучит в моей груди,
луч прожигает иллюзорный.
Своим дыханьем остуди,
поток энергии сенсорной,
чтоб до конца он не прожог
меня, придав смертельной боли,
и чтобы продержаться смог
я в разряженном биополе.
А если хочешь – прожигай!
Своей улыбкою надменной
разрушь, мой скудный, постный рай,
где часовым я был бессменным.
Твой горделиво тонкий стан
манящей светится звездой.
Во искупление мне дан
непостоянную судьбою.

Я за собой мосты сжигаю,
нас осудить никто не волен.
В лучах сенсорных присягаю
победной тайне биополя.

«Я к мысли себя приучаю...»

Я к мысли себя приучаю
о вскрике внезапном в ночи.
Друзей так уход он венчает...
Ты память их тихо почти.

И снова ведь бросишься всуе,
куда-то помчишься вперед,
а, собственно, чем ты рисуешь,
твой тоже наступит черед.

Тебя этим не
запугаешь,
хоть с жизнью расстаться и жаль.
Ты вскрика друзей ожидаешь,
и душу сжимает печаль.

«Метанья, страх, в безумном мире...»

Метанья, страх, в безумном мире
пронзают разум, впились в грудь.
Кровь плавит жилы, словно ртуть.
Судьбы мишень все – в смрадном тире.

Был человек твой труден путь:
в звенящем чистотой эфире
с тобою рядом ложь и муть.
Ты предавался грубой силе.

В невероятнейшей печали
ты возводил порой скрижали...
И сердца плавился металл...

И боль, и страхи, и метанья
в едином сопереживанье
ты в чувства светлые вплавлял.

«И министрам и бандитам...»

И министрам и бандитам
ты вселяешь страх.
Грозный отблеск антрацита
у тебя в глазах.
По извилистому стеблю
в зной или пургу
ты спускаешься под землю
к другу своему.
Уголь не слабей гранита,
пепельный алмаз,
но сверканье антрацита
раздражало газ.
Газ с нефтянкой сговорились,
и в шахтерский стан
заслан был кровавый киллер —
Князь болот МЕТАН.
И теперь жируют суки,
навели базар,
по всем правилам науки
продают товар.
Уголь бурый, уголь хмурый,
как твои дела?
Наломали дров мы сдуру,
жизнь на слом пошла.

А в краю от беспредела
пагуба, раздор.
Посмотрев на это дело,
каску взял шахтер.
Под российской славы стягом,
побледнев, как мел,
подошел к ареопагу,
на ступени сел.
Глянь, бежит народ с опаской,
спрятав глубже стыд.
Ты не бей по сердцу каской,
ведь и так болит.
Вихри грозные лютуют.
Видно, не к добру.
Не зови ты Русь святую
снова к топору.
Кто начать войну рискует —
к здоровым мыслям глух.
Только кровушку людскую
высосет паук.
От кого тебе ждать милость:
рынок ли, застой...
В этом мире справедливость
только звук пустой.
Присягали нашей вере
те, кто держат руль.
Жди, когда тебе отмерят
сладеньких пилюль.
Видишь всполохи зарницы,

сбрось свой тяжкий крест
и лети свободной птицей
с этих гиблых мест.

Ну, а коль прирос корнями
и не смог взлететь,
то ночами ты и днями
не баюкай смерть.

Пусть дрожит от горькой вести
тоненькая нить,
до конца должны мы вместе
горечь жизни пить.

Я живу сытней на свете?

Если честно – да.

Жопа в теплом туалете,
на столе еда.

Но ты знаешь, что ночами
меня гложет стыд,
но ты знаешь, что врачами
я по горло сыт.

Видишь, выбив к свету дверцу,
падает звезда.

Так взорвется мое сердце,
раз и навсегда.

Сомнения

Я тихая, скованная,
провинциальная.
В любви измордованная
и злыми начальниками.

Он сладко поет,
талантливый, кажется.
Не курит, не пьет
и к бабам не вяжется.

Скажи мне, Господь, эту тайну тая:
почему я?

Она молодая красавица,
умная.
Ей под ноги стелится
жизнь наша нудная.

На морде мне выбито:
лимон ты стал выжитый.
И все мое – выпито,
и все мое – выжрано.
Открой мне загадку, родная моя:
почему я?

За нас мой тост, за графоманов

Народ наш в ясный день иль грозы —
при буйстве красок и стихий —
читать предпочитает прозу,
но если пишет, то стихи.
Страшит рутины слов громада,
дар устремляется в миры
поэзии, где есть порядок
и четкость в правилах игры.
Где точно по лекалам кройка.
Народ мотал себе на ус,
и рифмовал довольно бойко,
изрядный проявляя вкус.
Но среди этого народа
есть удивительный народ.
Его особая порода
не блещет среди других пород.
Им часто сыплют соль на раны,
их гонят в бога-душу-мать,
им вслед кричат: «Вы графоманы!»
Они не устают писать.
Да, это мы. Какой печальный
и замечательный удел.
Итог судьбы многострадальной:
никто в быту не преуспел.

Зато какое наваждение,
какой чарующий восторг,
когда тебя в твой день рождения
целует Сам Маэстро Бог.
А от успешного поэта
мы отличаемся одним:
зовет нас в путь не звон монеты,
к нам прилетает Серафим.
И говорим без всякой позы
и без словесной шелухи,
нет, мы не презираем прозу,
но жизни смысл один – стихи.
И не словесные массивы
вселяют в нас священный страх.
Иные видятся мотивы
нам в заштампованных словах.
Смотрите, их поток тягучий
для прозы только матерьял.
Идеи – цели нету круче.
Вновь всюду «измы» правят бал.
Тут драматурги, беллетристы —
густой, тягучий слов массив —
историки да эссеисты,
и прочий разный нарратив.
И прозу в хаосе полнейшем,
где тишь да гладь и благодать,
письмом решили мы в дальнейшем
горизонтальным называть.
Поток идей – идей глобальных.

В нем мысль и чувство, стать и прыть,
но где письмом горизонтальным

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.